Раймон Арон. Этапы развития социологической мысли

Источник: Полис.1993. № 2.

От редакции. В статьях "Полиса" нередко встречаются ссылки на труды М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Парето, чьи идеи составляют теоретические и методологические основания многих современных исследований в области политических наук. Вместе с тем не все наши читатели в достаточной степени знакомы с творчеством этих классиков социологии и философии политики. Редакция журнала решила поэтому подробнее рассказать о них в рубрике "Семинар" — с помощью" еще одного признанного авторитета — французского социолога и политического философа Раймона Арона (1905—1983).

Очевидно, в мире нет политолога, не знакомого с этим именем. Но труды его в СССР никогда не публиковались — вряд ли можно найти другого западного мыслителя, который подверг бы столь систематической и убедительной критике догмы "марксизма-ленинизма". Профессор Р. Арон был знаменитым преподавателем и едва ли не лучшим европейским публицистом, обличавшим тоталитаризм во всех его проявлениях. Он прожил насыщенную, трудную, но яркую жизнь. Во время фашистской оккупации Франции редактировал в Лондоне журнал Франс либр", в течение 20 лет был политическим обозревателем газеты "Фигаро", сотрудничал в еженедельнике "Экспресс", в 1978 г. основал журнал "Коммантер", девизом которого избраны слова Фукидида: "Нет счастья без свободы и нет свободы без мужества и отваги".

Было бы неверно сводить деятельность Арона в науке и политике к критике. Он явился автором ряда фундаментальных, "работающих" и сегодня концепций социально-политического развития, в т. ч. одним из создателей теории индустриального общества. Центральными темами его творчества были война и мир, ядерная стратегия, перспективы демократической формы правления, интеллигенция и т. д. Научная библиография работ Р. Арона обширна, а индекс ссылок на его труды и поныне остается одним из самых высоких в мире.

В очерках "Этапы развития социологической мысли" Р. Арон, используя компаративный подход, обратился к теоретическим истокам современной социально-политической науки. Очерки — это интеллектуальные портреты семи европейских философов: Монтескье, Токвиля, Конта, Маркса, Дюркгейма, Парето и Вебера, Выбирая персонажей своей книги, Р. Арон, думается, прежде всего исходил из огромного значения и оригинальности их вклада в современную мировую общественную мысль. Власть, социальное равенство, диктатура, демократия — вот круг проблем, обсуждаемых в очерках.

Мы публикуем ниже (с небольшими сокращениями) заключение II части труда Р. Арона "Этапы развития социологической мысли" (Les etapes de la pensee sociologique. P., 1967). Фрагмент содержит сравнительный анализ творчества трех ученых, работавших "на стыке веков", — француза Эмиля Дюркгейма (1858—1917), итальянца Вильфредо

Парето (1848—1923) и немца Макса Вебера (1864—1920). Арон задается вопросами о том, в каких исторических условиях работали эти три автора, как истолковывали они данные условия, как отразились в их доктринах черты личности и национальный характер каждого философа. Ныне, когда общество снова, как и век назад, находится на переломе, искания Дюркгейма, Парето и Вебера в интерпретации Р. Арона приобретают, как нам кажется, особую актуальность, причем не только для социологов. Очерки "Этапы развития социологической мысли" выходят в переводе на русский язык в издательстве "Прогресс".
Хочется надеяться, что в ближайшем будущем российский читатель сможет познакомиться с переводами и других классических работ Раймона Арона.

/... / Эти три автора различны по общему тону. Дюркгейм — догматичен, Парето — ироничен, Вебер — патетичен. Дюркгейм доказывает истину и стремится, чтобы она была научна и этична. Парето разрабатывает научную систему, которую он задумал как частную и предварительную, но которая, независимо от его стремления к объективности, высмеяла иллюзии гуманистов и надежды революционеров, уличает пройдох и простаков, неистовых и власть имущих. Вебер стремится понять смысл существования индивидов и общества, будь то им навязанных или ими избранных, не закрывая глаза на давление социальных обязанностей и неизбежную необходимость принимать решения, правомерность которых никогда не может быть научно доказана. Тон каждого из этих трех авторов объясняется и личным темпераментом, и национальными условиями.

Дюркгейм — французский ученый-философ; стиль его работы складывался, по крайней мере внешне, под влиянием диссертаций, которые он готовил, последовательно преодолевав барьеры, поставленные французским университетом перед амбициями интеллектуалов. Этот университетский ученый III Республики верит в науку, в ее этические ценности со страстью пророка. Он является или хотел бы быть одновременно ученым и реформатором; наблюдателем, констатирующим факты, и создателем системы морали. Такое сочетание может сегодня показаться нам странным, но оно не выглядело таким в начале века, в эпоху, когда вера в науку была почти религией. Самым ярким выражением этого сочетания веры и науки оказывается понятие "общество". В социологии Дюркгейма это понятие служит эмпликативным принципом, источником высших ценностей и своего рода объектом поклонения. Для Дюркгейма, француза еврейского происхождения, университетского ученого, занятого поисками решения традиционных проблем Франции, проблемой конфликтов между церковью и государством, между моралью религиозной и светской, социология была основой этики. Общество, истолкованное социологией, считает высшей ценностью современной эпохи уважение человеческой личности и автономию индивидуального суждения. Такая

социологическая и рационалистская попытка найти в новой науке обоснование мирской морали характерна для того исторического момента. Переходя от Дюркгейма к Парето, мы оставляем выпускника высшей школы и профессора философии, чтобы познакомиться с итальянским патрицием без иллюзий, инженером, враждебна относящимся ко всякой метафизике, исследователем без предрассудков. Его стиль — это стиль уже не профессора-моралиста, а просвещенного и утонченного аристократа, склонного испытывать некоторые симпатии к варварам. Этот ученый далек от того, чтобы все философские проблемы решать с помощью науки. Он с иронией наблюдает за усилиями профессоров, таких как Дюркгейм, пытающихся обосновать мораль с помощью науки. "Если бы вы знали, что такое наука, — позволил он себе заметить, — то знали бы, что прийти через нее к морали невозможно. Если бы вы знали, что представляют собой люди, то знали бы также, что для восприятия какой-то морали они совершенно не нуждаются в научных обоснованиях. Человек обладает достаточным здравым смыслом и изобретательностью, чтобы представить себе вполне убедительными мотивы для принятия определенных ценностей, которые, по правде говоря, ничего общего не имеют ни с наукой, ни с логикой".

Парето принадлежит к итальянской культуре, равно как Дюркгейм — к французской Он стоит в том же ряду политических мыслителей, в котором первым и самым великим был Макиавелли. Упор на двойственность правителей и управляемых, стороннее, иначе говоря, циничное, восприятие роли элиты и слепоты толпы формируют вид социологии, концентрирующийся вокруг политической темы, что характерно для итальянской традиции, которую помимо Макиавелли, демонстрировали Гишардэн и Моска. При этом не следует преувеличивать воздействие национальной среды. Одним из тех, кто оказал влияние на Парето, был француз Жорж Сорель. Во Франции немало ученых принадлежало к так называемой школе Макиавелли, а в Италии во времена Парето были известны рационалисты и сторонники научной школы, которые оставались в плену иллюзии, будто социология может быть одновременно наукой и основой морали. Парето как макиавеллист был, мне кажется, в высшей степени итальянцем; но не исключено, что во мне говорит француз. Фактически два разных течения интеллектуальной мысли, представленные Дюркгеймом и Парето, проявились как во Франции, так и в Италии. Некоторые французские мыслители подвергали иллюзии гуманистов и чаяния революционеров такой же социологической критике, какой виртуозно владел Парето.

Макс Вебер, вне всякого сомнения, в высшей степени немец. Чтобы до конца понять его научную мысль, ее нужно рассматривать в контексте германской интеллектуальной истории. Сформированный на воззрениях немецкой исторической школы, он исходил из позиций исторического идеализма при разработке своей концептуальной системы объективной социальной науки, которая была бы способна научно продемонстрировать, привести доказательства, осмыслить социальную действительность, будучи полностью свободной от метафизики в сознании и в подходе к истории.

В противоположность Дюркгейму Вебер был по образованию не философом, а юристом и экономистом. Поэтому некоторые аспекты его научной мысли в основе своей содержат начала такого двустороннего образования. Когда, например, Вебер делает акцент на понятии субъективного смысла и утверждает, что социолог стремится в основном

выявить смысл, который субъект придает своему поступку, решению или отказу от поступка, то в нем говорит юрист. Действительно, легко отличить тот объективный смысл, который профессор может придать правовым положениям, от субъективного смысла этих положений, т. е. от интерпретации их теми, кто подвергается их воздействию; и это отличие позволяет сделать понятным воздействие, которое правовое установление оказывает на поведение индивидов. Во многих своих эпистемиологических исследованиях Вебер стремился четко разделить различные формы интерпретации права с тем, чтобы еще и еще раз напомнить, что объект исследования социолога — субъективный смысл, т. е. пережитая реальность права, как оно осмыслено индивидами и как оно частично обусловливает их поступки. Таким же образом опыт экономиста наводит Вебера на размышления о связи между экономической теорией, как умственной реконструкцией поступка, с конкретной, часто непоследовательной хозяйственной деятельностью, т. е. такой, какой реально живут люди.

Однако научная мысль Вебера, вытекающая из его опыта юриста и экономиста, носила в себе еще большую внутреннюю двойственность, связанную с разрывом между религиозной ностальгией и требованиями науки. Я уже отмечал, что основная тема исследований этих трех авторов—взаимосвязь между наукой и религией. С точки зрения Дюркгейма, наука позволяет одновременно понять религию и предвидеть возникновение новых верований. Для Парето влечение к религии вечно. Основные факторы неизменны, и, как бы ни были разнообразны их отклонения, они приведут к расцвету новых верований. Что касается Вебера, то он смотрит на противоречие между рационализацией общества и потребностями веры патетически. "Мир разволшебствлен", в научно объясненной и технически освоенной природе нет больше места для магии религий прошлого. Вера вынуждена прятаться в глубине сознания, а человек — раздваиваться между профессиональной деятельностью, которая становится все более индивидуализированной и рациональной, и стремлением к глобальному видению мира и к последним надеждам на спасение души.

Вебера раздирает противоречие между наукой и активной деятельностью, между профессиями ученого и политического деятеля. Он принадлежит к школе социологов, политическая неудовлетворенность которых привела их — и низвела — в науку и университет. Кроме того, в самой политике Вебер соединял такие взгляды, которые довольно плохо сочетаются. Он страстно отстаивал личные свободы и считал, что без минимума прав человека невозможно жить Но Вебер был одержим национальным величием и в период первой мировой войны мечтал о приобщении своей родины к мировой политике. Переходя иногда в ряды неистовой оппозиции императору Вильгельму II, он оставался тем не менее сторонником монархического строя.

Страстная жажда свободы и одержимость величием Германии, враждебное отношение к Вильгельму и верность монархическому режиму — позиции, которые привели Вебера к мысли о конституционной реформе Рейха в парламентском плане, — кажутся нам теперь, по истечении пяти десятилетий, довольно смехотворным решением поставленных им перед собой проблем.

Дюркгейм — основа гель морали, ставшей предметом преподавания в высшей педагогической школе; Парето — ироничный низвергатель всяческих идеологий; Вебер — сторонник парламентской конституционной реформы Германии, и каждый их этих трех авторов принадлежит своей, отличной от других, стране Европы.

Когда началась война, Дюркгейм был страстным патриотом, который перенес боль утраты единственного сына и постыдные оскорбления с высокой трибуны Национального собрания. Вебер был патриотом Германии, и тоже страстным. Каждый из них написал исследование по поводу истоков мировой войны, ни одно их которых, я думаю, ничего не добавило к их научной славе. Будучи учеными, каждый из них в не меньшей степени был гражданином своей страны. Парето тоже был верен себе, т. е. оставался ироничным наблюдателем и пророком. Он считал, что единственной надеждой на то, что война приведет к прочному миру, было ее завершение компромиссом.

Таким образом, можно сказать, что каждый из этих трех социологов реагировал на события 1914—1918 гг. в собственном стиле. Но истина в том, что социология Дюркгейма не содержала ничего, что позволило бы ему реагировать на эти события иначе, чем заурядному человеку. По его мнению, если у государств и были какие-то военные функции, то лишь как пережитки прошлого, обреченные на быстрое исчезновение. Когда эти пережитки в 1914г. продемонстрировали неожиданную и, возможно, непредсказуемую силу, Дюркгейм проявил себя не как оптимист, профессор, последователь О поста Конта, а как гражданин, разделивший переживания и надежды французов и интеллектуалов и тех, кто к ним не относится.

Что же касается Вебера, то он был уверен в постоянстве и неизбежности конфликтов, противопоставлявших различные классы, ценности и нации. Война не поколебала его мировидения. Он не считал, что современным обществам свойственно миролюбие. Вебер воспринимал насилие как фактор, соответствующий нормальному порядку общества и ходу истории. Будучи противником ведения до победного конца подводной войны и настроенный против пангерманистов, мечтавших об обширных аннексиях, он считал тем не менее, что надо идти до конца. Дюркгейм. без сомнения, держался бы того же мнения, если бы не умер еще до победы.

Можно сравнить интерпретацию, которую давали эти три автора современным им обществам.

Для Дюркгейма проблема общества — это прежде всего проблема морали, а кризис современных обществ — кризис морали, в основе которого лежит структура общества. Поставив проблему таким образом, Дюркгейм выступает против Парето и Вебера. Большинство социологов можно классифицировать, исходя из их отношения к смыслу социальной борьбы. Дюркгейм, как и Конт, считает, что общество по своей природе основано на консенсусе. Конфликты не являются ни движущей силой исторического развития, ни неизбежным сопровождением коллективной жизни, они —признак болезни или разлада общества. Современные общества характеризуются преобладающим интересом к экономической деятельности, крайней дифференциацией функций и

личностей, а стало быть — риском нарушения консенсуса, без которого социальный порядок не может существовать.

Однако Дюркгейм, опасающийся аномии или нарушения консенсуса — главной угрозы, нависшей над современными обществами, — не сомневается в том, что священными ценностями нашей эпохи являются: человеческое достоинство, свобода личности, независимое суждение и свобода критики. Его мысль, таким образом, имеет двойственный характер и объясняет возможность двух противоречивых толкований.

Если следовать методологии Бергсона, то я должен был бы главную интуицию Дюркгейма изложить в одной фразе, сказав, что в его глазах современные общества определяются обязательством — которое коллектив налагает на каждого — быть самим собой и выполнять свою социальную функцию, независимо развивая собственную личность. Само общество возводит в ценность личную автономию.

Такого рода интуиция глубоко парадоксальна. Поскольку основой ценности личной независимости служит социальный императив, то что мы скажем, если завтра религия, возникшая в обществе, обернется против индивидуалистских ценностей и во имя восстановления консенсуса вменит каждому в обязанность не быть самим собой, а повиноваться? Если суть мысли Дюркгейма в том, что принцип и объект моральных и религиозных обязательств и верований заложен в обществе, то Дюркгейм присоединяется к ряду таких мыслителей, как Бональд, которые фактически и юридически выступают за примат коллектива по отношению к индивиду. Если же исходить из того, что в наше время высшие ценности — это индивидуализм и рационализм, то Дюркгейм выступает как последователь философии Просвещения.

Подлинный Дюркгейм определяется, естественно, не той или другой из этих интерпретаций, а их сочетанием. Центральной проблемой дюркгеймовой мысли является, по сути, проблема, поставленная О. Контом и связанная с представителями рационалистских воззрений, которые стремятся обосновать ценности рационализма на социальных императивах.

Парето и Вебер легче вписываются в свое собственное и в наше время, чем Дюркгейм. Достаточно сравнить их с Марксом, ученым, который, возможно, не оказал на них прямого влияния, но которого они много читали и критиковали.

Парето многократно обращался к трудам Маркса, и развитие его научной мысли может быть изложено как критика марксизма. В своей работе "Социалистические системы" Парето подверг углубленной экономической критике "Капитал", и в частности теорию стоимости и труда и теорию эксплуатации. /... /

Парето защищает режим частной собственности и конкуренции, приводя в качестве довода его эффективность. Конкуренция в определенной степени является формой отбора. Парето проводит аналогию борьбы за выживание животного мира с социальным дарвинизмом экономической конкуренции и социальной борьбы. Экономическая конкуренция, которую марксисты называют капиталистической анархией, — это в

действительности одна из форм естественного отбора, относительно благоприятная для экономического прогресса. Паре-то — не либеральный догматик. Многие из мер, которые можно осудить с сугубо экономической точки зрения, могут косвенно, с помощью социологических механизмов, дать благоприятный результат. Например, сделка, которая приносит значительную прибыль спекулянтам, по-человечески несправедлива и экономически заслуживает осуждения, но может быть благотворна, если доходы будут вложены в предприятия, приносящие пользу коллективу.

В конечном счете, отвечая на марксистскую критику, Парето приводит некоторые из элементов капитализма, которые могут встретиться при любой экономической системе, и указывает на то, что экономический расчет во внешнем проявлении связан с современной рациональной экономикой, что нет всеобщей эксплуатации рабочих, поскольку заработная плата устанавливается на уровне предельной производительности и понятие прибавочной стоимости не имеет смысла.

Вебер критикует марксистскую теорию приблизительно в том же духе, но делает акцент не столько на важность экономического расчета для всех режимов, сколько на постоянство таких факторов, как бюрократия, организационные структуры и власть. Парето, исходя из того, что конкуренция и частная собственность являются, как правило, наиболее благоприятными институтами, способствующими развитию и приумножению богатств, считал, что разрастание бюрократии, развитие государственного социализма и изъятие доходов администрацией в свою пользу или в пользу несостоятельной части населения, вероятно, повлекли бы за собой общий экономический спад. Вебер доказывал, что рациональная организация и бюрократия представляют собой реально существующие структуры современных обществ. В случае перехода к социализму действие этих факторов не только не ослабнет, но даже усилится. При социалистической экономике, где собственность на средства производства будет общественной, усугубятся явления, которые Вебер считал наиболее опасными для сохранения человеческих ценностей.

Парето и Вебер отметают марксистскую критику капиталистической экономики как научно необоснованную. Ни тот, ни другой не отрицают, что в капиталистическом обществе есть привилегированный класс, сохраняющий значительную часть доходов и богатств. Они не утверждают, будто капиталистический строй совершенно справедлив и единственно возможен. Более того, и тот и другой склонны считать, что этот строй будет развиваться в социалистическом направлении. Но оба они отказываются признать теорию прибавочной стоимости и капиталистической эксплуатации, отрицают, что социалистическая экономика фундаментально отличается от капиталистической в плане организации производства и распределения доходов.

Критика Парето и Вебера марксистской теории на этом не останавливается. Она нацелена на подразумеваемый или явный рационализм психологии интерпретации марксизмом истории.

Когда Парето высмеивает надежды революционеров, и в частности марксистов, то в основе его иронической критики лежит чисто экономический подход. Он доказывает,

что экономика социалистического типа всеми своими пороками будет похожа на капиталистическую, но только к ней прибавятся еще и некоторые дополнительные недостатки. Экономика, основанная на принципе общественной собственности на средства производства, лишенная рыночного механизма и конкуренции, будет неизбежно бюрократической; трудящиеся будут подчинены авторитарной дисциплине, по меньшей мере такой же насильственной, как и на капиталистических предприятиях, но значительно менее эффективной с точки зрения приумножения богатства.

Парето критикует и революционные надежды, представляя их не как рациональную реакцию на реально ощущаемый и переживаемый социальный кризис, а как выражение постоянно действующих эмоциональных факторов или вечной метафизической мечты. Марксизм утверждает, что противоречия капитализма вызывают формирование пролетариата как класса, а пролетариат выполняет задачу, которая является его исторической миссией. Марксистское видение перспективы, с точки зрения всеобщей истории, рационально. Оно предполагает, помимо прочего, своего рода рациональную психологию, согласно которой люди или группы людей действуют в соответствии со своими интересами. Нечего сказать, поистине весьма оптимистична психология, предполагающая, будто люди могут быть одновременно и эгоистами, и ясновидящими! Обычно такого рода толкование человеческого поведения называют или материалистическим, или циничным. Какая иллюзия! Если бы все группы людей знали свои интересы и поступали сообразно им, то жизнь обществ была бы действительно куда проще... Как говорил большой психолог по имени Гитлер, между различными интересами всегда возможны компромиссы, между мировоззрениями — никогда.

Парето и некоторым образом Вебер отвечают на это рационалистическое видение Маркса замечанием, что такого рода социальные процессы, как социалистическое движение, ни в коей мере не вызваны осознанием групповых интересов и являются не выполнением исторической миссии, а всего лишь отражением аффективных или религиозных потребностей, таких же древних, как само человечество.

Макс Вебер свою социологию религий порой называл "эмпирическим опровержением исторического материализма". Действительно, в ней иногда приводятся доказательства того, что отношение некоторых групп людей к экономической жизни могло быть обусловлено религиозными воззрениями. Но обусловленности религиозных воззрений экономическими позициями не существует, при том что обратное вполне допустимо.

С точки зрения Парето, если бы поступки людей были логическими, то они определялись бы стремлением к наживе или власти, а борьба групп могла быть истолкована сугубо рациональной терминологией. Но, по сути дела, людьми движут относительно постоянные категории аффективных факторов. История развивается не по пути, ведущему к завершению, коим стало бы примирение человечества, а подчиняясь взаимозависимым циклам. Воздействие той или иной группы факторов образует исторические фазы; и невозможно предвидеть ни конечного результата, ни момента их завершения.

Вместе с тем и Парето и Вебер признают вклад Маркса в науку. С точки зрения Паре-то,

"социологическая часть труда Маркса с научной точки зрения значительно выше экономической". Классовая борьба наполняет большую часть вековой исторической хроники и представляет собой одно из крупнейших явлений всех известных общественных систем. "Борьба за жизнь или благополучие есть общее для живых существ явление, и все, что мы об этом знаем, говорит нам о том, что она является одним из самых мощных факторов сохранения и улучшения расы". Парето допускает, таким образом, наличие классовой борьбы, подает ей иную, отличную от марксовой, интерпретацию. С одной стороны, в обществе нет тенденции к разделению на два, и только на два, класса: на владельцев средств производства и эксплуатируемую массу, "Классовая борьба осложняется и приобретает многообразные формы. Мы далеки от простой борьбы двух классов; раскол усиливается в среде как буржуазии, так и пролетариата". Он подчеркивает, что социальные и экономические группы многочисленны. С другой стороны, поскольку Парето исходит из двойственного характера общества, он считает, что последнее основано на противоречиях между правителями и управляемыми, между элитой и массой; при этом принадлежность к элите необязательно определяется владением средствами производства. Поскольку основным противоречием является противоречие между правящими и управляемыми, то классовая борьба вечна и не может быть преодолена в обществе с политическим строем без эксплуатации. Если, как полагал Маркс, источник классовой борьбы — частная собственность на средства производства, то можно представить себе общество без частной собственности, а стало быть, и без эксплуатации. Но если первопричина социальных конфликтов — власть меньшинства над большинством, то социальная неоднородность неизбежна и надежда на бесклассовое общество — это всего лишь псевдорелигиозный миф. Парето склонен характеризовать различные классы по их психологии. Элита жестока или хитра, ее составляют или бойцы, или плутократы; в нее входят спекулянты и ростовщики; она похожа то на льва, то на лисицу. Все эти формулировки выделяют скорее психологическую особенность, чем чисто социологическую характеристику классов, и в частности правящего класса.

Вебер, социальная мысль которого драматична, но не имеет при этом отношения к миротворчеству, тоже допускал реальность и остроту классовой борьбы и, таким образом, в определенном смысле принимал марксистское наследие и значение социологических наблюдений, которые служат отправным моментом "Коммунистического манифеста". "Тот, кто берет на себя смелость сунуть пальцы в колеса политического развития своей родины, должен иметь крепкие нервы и не быть слишком сентиментальным, чтобы заниматься современной политикой. И тот, кто берется заниматься политикой, прежде всего не должен питать иллюзий и признать... наличие непременного фактора неизбежного существования на этой земле вечной борьбы людей против людей". Если бы Вебер не воспользовался с такой нарочитой резкостью аргументами Парето, то отметил бы, что при режиме, основанном на коллективной собственности и плановом хозяйстве, меньшинство обладало бы огромной как политической, так и экономической властью; и только непомерное, свойственное человеческой природе доверие позволило бы надеяться, что это меньшинство не злоупотребит обстоятельствами. Неравенство в распределении доходов и привилегий переживет исчезновение частной собственности и капиталистической конкуренции. Более того, в социалистическом обществе на самом верху окажется тот, кто будет

наиболее ловким в мрачной, маловидимой бюрократической борьбе, несомненно, не менее неприглядной, чем экономическая конкуренция. Бюрократический естественный отбор был бы даже по-человечески значительно хуже, чем подобный полуиндивидуалистский отбор, который в какой-то степени существует в лоне соответствующих организаций капиталистических обществ.

Для того, чтобы стабилизировать современные общества и сделать их высокоморальными, Дюркгейм ратовал за воссоздание корпораций. Парето не считал себя вправе предлагать какие-либо реформы, но заявлял, несколько сомневаясь в сроках, о кристаллизации бюрократической системы и предвидел приход к власти в обществах жесткой элиты, которая сменит власть "лисиц плутократии". Что же касается Вебера, то его пессимистические пророчества говорят о поступательном разрастании бюрократии в организационных структурах.

Из предсказаний трех авторов менее всего, как мне кажется, оправдались прогнозы Дюркгейма. Профессиональные корпорации, в том виде, как их себе представлял Дюркгейм, т. е. как промежуточное образование, наделенное авторитетом, не получили развития ни в одной стране с современной экономикой, ни в СССР, ни на Западе. В СССР — потому что там принцип всякой власти и всякой моральности есть Партия и Государство, слитые воедино; на Западе — поскольку для того, чтобы в профессиональных организациях рабочих или предпринимателей обнаружить малейший след признанного или принятого морального авторитета, требовалась исключительная проницательность. Парето же не ошибся, предсказав приход к власти сильной элиты, а Вебер—предвидев бюрократизацию. Возможно, эти два явления не определяют исчерпывающе всей социальной действительности современного общества, но сочетание их, несомненно, представляет собой характерные черты нашего времени.

Наконец, можно отметить, что вклад каждого из этих трех авторов в развитие научной социологии разносторонен и одновременно направлен к одной цели. Все трое в одном историческом контексте осмыслили тему взаимосвязи науки и религии, стремились дать объяснение религии с социальной точки зрения, а социальных процессов — с точки зрения религии. Социальное существо есть существо религиозное, а верующий — всегда член того или иного общества. Эта первостепенной важности мысль высвечивает их вклад в научное развитие социологии. Парето и Вебер наглядно, а Дюркгейм косвенным путем вывели концепцию социологии как науки социального действия. Социальное и религиозное существо, человек является создателем ценностей и общественных систем, а социология стремится осмыслить структуру этих ценностей и систем, т. е. структуру социального поведения. Для Вебера социология есть понимающая наука человеческого поведения. Если это определение и не представлено слово в слово в "Трактате по общей социологии" Паре-то, то сама мысль в его творчестве присутствует. Определение Дюркгейма также мало чем отличается от этого.

Представленная таким образом социология исключает натуралистическое объяснение социального поведения, т. е. что социальное действие можно понять и объяснить, исходя из наследственности и среды проживания. Человек ставит перед собой цели, выбирает средства для их достижения, приспосабливается к обстоятельствам, находит

вдохновение в системах ценностей. Каждая из этих формулировок касается одного из аспектов понимания поведения и отсылает нас к одному из элементов структуры социального поведения.

Самым простым из понятийных сочетаний является связь "средства — цели". Именно этот аспект социального поведения находится в центре определения логического поведения у Парето, а Вебер сохранил его в понятии целерационального поведения. Анализ связей между целью и средством ее достижения заставляет поставить главные социологические вопросы: как определяются цели? каковы мотивации поступков? Этот анализ позволяет углубиться в казуистику понимания человеческих поступков, основными элементами которых являются: связь "средства — цели", мотивации поведения, система ценностей, заставляющая людей совершать поступки, а также, вероятно, ситуация, в которой субъект адаптируется и в зависимости от которой он определяет свои цели.

Т. Парсонс свою первую значительную книгу "Структура социального поведения" посвятил исследованию трудов Парето, Дюркгейма и Вебера, которые расценивает как вклад в теорию социального поведения, служащую основой социологии. Социология, наука о человеческом поведении, является одновременно и понимающей и объясняющей. Понимающей —поскольку она выявляет логику или подразумеваемую рациональность индивидуальных или коллективных поступков. Объясняющей — потому что она выстраивает закономерности и частные, единичные поступки включает в целостности, которые придают им смысл. С точки зрения Парсонса, Парето, Дюркгейм и Вебер при помощи различных концепций вносят свой вклад в строительство общей теории структуры социального поведения. "Понимающая" теория, которая включила в себя все ценное, что могли внести в нее эти три автора, является, естественно, теорией и самого Парсонса.

Дюркгейм, Парето и Вебер — последние крупные социологи, которые разработали доктрины социологии истории, т. е. дали глобальный синтез, содержащий одновременно микроанализ человеческого поведения, интерпретацию современной эпохи и картину долговременного исторического развития. /... /